

Двадцать пять лет работали мы с ней в творческом содружестве и десять из них в одном коллективе, который назывался "Ленинградский джаз-ансамбль", и я был свидетелем творческого роста певицы, ее упорной работы, развития и расцвета ее

ричность, светлая женственность. После ее пения хотелось жить. Я ходила на ее концерты, как в школу высочайшего мастерства, и многому у нее научилась. От нее у меня любовь к концертной деятельности. Она из немногих пе-

вано войном".

(Анатолий Алексин, "Советская культура", 9 октября 1979 г.).

А теперь снова хочется вернуться в годы молодости.

Летом 1930 года наши совместные концерты проходили в моей род-

теи, взрастивший плеяду талантливых скрипачей — один Давид Ойстрах чего стоит! — этот самый Столярский обнял певицу, поздравил ее с дебютом, сказал, обращаясь ко всем присутствующим за кулисами актерам драмы, оперы и оперетты (дело происходило в Доме искусств РАБИС):

— Ну вот, друзья! Одесса ждала появления второй Изы Кремер, второго Александра Вертинского... Мне кажется, что я не ошибусь, если скажу, что появилась ПЕРВАЯ Клавдия Шульженко...

Клавдия Ивановна Шульженко шлифовала свое исполнение с вдохновением, и если поэты, композиторы приносили ей алмаз, она знала, как превратить его в бриллиант. Поэтому-то из бесхитростных, простеньких песенок ей удавалось создавать подлинные шедевры эстрадного искусства.

Уже будучи больной, Клавдия Ивановна мне как-то сказала: я сожалею, что не имела возможности побывать в Париже, чтобы возложить цветы на могилу героини французского Сопротивления, национальной гордости Франции Эдит Пиаф.

12 апреля 1986 года в Ленинградском Дворце искусств имени Станиславского на вечере, посвященном памяти Шульженко, директор уникального музея эстрады Григорий Маркович Полячек в своем выступлении назвал Клавдию Шульженко героиней блокадного Ленинграда — национальной гордостью России!

Владимир КОРАЛЛИ.

ЕЕ ГОЛОС И СЕГОДНЯ ЗВУЧИТ

Вос. Москва. — 1992. — 13 февр.

таланта — всего того, что и сделало ее подлинной королевой эстрады.

Впервые я услышал совсем молодую Шульженко в конце двадцатых годов — в 1929-м мы выступали с ней в программе Нижегородского мюзик-холла — и сразу был покорен ее молодостью, непосредственной манерой исполнения и всечарующего сценического обаяния...

А вот что написали о ней весьма уважаемые люди.

"...Примером, идеалом эстрадного пения была для меня Клавдия Шульженко. Все в ней мне нравилось. С самого появления ее на сцене я попадала под обаяние ее огромного мастерства, ее внешнего облика, ее пластики, отточенности ее движений.

Она создала в этом жанре свой собственный стиль и царила на эстраде десятки лет. Из известных мне певиц я могу ее сравнить по степени таланта только с Эдит Пиаф, хотя по характеру дарования они совершенно разные: в Пиаф — надломленность, трагический надрыв, в Шульженко — мягкая ли-

виц, о которых я могу сказать: в ней все было гармонично".

(Галина Вишневская — "Галина. История жизни").

Тот, кто читал эту книгу, кто вообще знает Галину Павловну, тот хорошо поймет, как велико значение ее слов, — она очень строга, требовательна, даже сурова в своих оценках.

А вот еще:

"Вспоминаю дорогих друзей детства и юности. Многих из них называю и незабвенными, потому что имена их высечены золотом на мраморе в вестибюле школы, где мы учились, где родились наши первые мечтания и надежды. Помню школьные вечера... Патефон, неторопливо крутящиеся пластинки, голоса наших эстрадных кумиров — джаз-оркестра под художественным руководством Владимира Коралли и главной солистки этого коллектива Клавдии Шульженко. А мы, шестнадцатилетние, слушаем, подпеваем, танцуем, не зная, что скоро, совсем скоро все это будет жестоко обор-

ной Одессе. Я очень хотел, чтобы эти приличивые, беспощадные одесситы по достоинству оценили и полюбили еще неизвестную им певицу. И они, обожавшие Изу Кремер и Александра Вертинского, приняли и полюбили Клавдию Шульженко. А Петр Соломонович Столярский — легенда Одессы, опекун и учитель всех музыкально одаренных ее де-